

Уличная политика и политика голосования*

Альбер Ожьен

Доктор социологии, руководитель Центра изучения социальных движений
Института Марселя Мосса Высшей школы социальных наук (Париж, Франция).

Адрес для корреспонденции: Avenue de France, 190–198, Paris, France 75013.

E-mail: albert.ogien@ehess.fr

Восстания «арабской весны» неожиданным образом привели к поразительно быстрому всемирному движению протеста против правительств и экономических держав. Эта внезапная и непредсказуемая вспышка протеста породила новую форму политического действия, которое можно определить как «собрания», имеющие место, когда люди оккупируют улицы и площади для того, чтобы потребовать радикальной смены политического порядка через улучшение или обновление демократии. Собрания инновационны, поскольку возникают за рамками традиционных способов выражения политического недовольства через партии, профсоюзы, общественные организации или ассоциации. У них нет ни лидера, ни программы, они поддерживают принцип ненасилия и отказываются от системы представительного правления. Этот новый способ осуществления уличной политики противостоит политике голосования, поскольку требует прямой демократии (общих собраний, открытых заседаний, отказа от решений большинства, равно распределенных обязанностей, прозрачности и т. д.), при этом горячо отстаивая принцип ненасилия. Такая приверженность является спорной: как можно свергнуть богатых и держателей власти, получающих выгоду от укрепившейся системы господства, не применяя насилия ради лишения их привилегированного положения? Статья направлена на прояснение этих вопросов путем исследования того, как обращение к насилию обсуждалось на многих собраниях.

Ключевые слова: демократия, прямая демократия, критика представительного правления, собрания, уличная политика, ненасилие.

Улица вновь стала эффектным и оригинальным основным политическим местом демократических волнений, охвативших мир с 2011 года. Традиционно она использовалась двумя способами: как место проведения демонстраций или как арена для бунтов. За несколько месяцев уличные собрания (*rassemblements*) и оккупации городского пространства (*occupations*) изобрели новый способ включения улицы в форму политического действия. Каждое из этих трех применений имеет различные характеристики.

Демонстрация при демократии является признанным и гарантированным правом, даже если все более жесткое законодательство пытается ограничить свободу

© Ogien A., 2014

© Борисенкова А. В., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

* Пер. с франц. Анны Борисенковой. Источник: *Ogien A. (2014). Politique de la rue et politique des urnes // Социологическое обозрение. Т. 13. № 1. С. 26–37.*

Перевод подготовлен в рамках проекта Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ «Спонтанные и навязанные порядки социальной жизни: модулы взаимодействия и трансформаций».

собраний и контролировать способы их проведения. При авторитарных режимах демонстрация является мобилизацией, которая может быть организована для заведательства поддержки власти или разрешена при определенных условиях и обстоятельствах, когда она намерена выступить против существующего режима. В иных случаях, когда демонстрация нарушает запрет выражения несогласия, она может быть предотвращена или безжалостно подавлена.

Бунт недопустим при любом режиме. Во имя поддержания порядка, сохранения гражданского мира и защиты частной собственности бунты систематически подавляются силами порядка, чаще всего с согласия и к облегчению населения (при условии, что вмешательство полиции или армии остается в разумных пределах). Будь то при демократическом или авторитарном режиме, бунт может стать местом переговоров между властью и представителями бунтовщиков для того, чтобы представители власти ответили на претензии, побудившие мятежников к применению насилия (Laacher, Terzi, 2012). Для обеих сторон очевидно, что, если условия, приведшие к воспламенению, не изменятся, риск новой вспышки продолжит расти. Однако переговоры не смогут начаться до тех пор, пока не вернется спокойствие и не восстановится порядок, — без этого нет никакой гарантии того, что ситуация, породившая насилие, будет действительно изменена.

Что касается уличных собраний и оккупаций городского пространства, их политический статус до сих пор не определен. Массовые инсталляции в общественных местах и организация палаточных городков являются незаконными актами и могут быть немедленно подвержены санкциям. Однако, как правило, решение об их разгоне откладывается. Одной из причин, останавливающих власти, является тот факт, что эти движения изначально открыто демонстрируют свою приверженность ненасилию. Такая решимость, подтверждаемая действиями, приносит им условную и временную легитимность. Уличные собрания и оккупации постоянно находятся под угрозой ликвидации и зависят от доброй воли органов государственной власти, выжидающих подходящий момент, когда можно будет отказаться от толерантности и уничтожить этот источник спора с законом. Другая причина выжидательной политики является в чистом виде материальной. Численность протестующих и внезапность их организации на местах оказываются для всех неожиданностью. Столкнувшись с таким внезапным развитием событий, власть может испытать сомнение и-за цены финансовых, человеческих и политических ресурсов, которую следует заплатить при штурме и насильственном выселении перед прессой, любящей шокирующие кадры. Третьим фактором, влияющим на принятие решения об отсрочке вмешательства, является частая поддержка данных движений населением, которое, как показывали опросы общественного мнения, считало протесты справедливыми. Последний аспект, способствующий снижению репрессивных настроений у власти, заключается в том, что новое использование улицы в политических целях требует от организаторов обеспечения мирной жизни в палаточных городках. Это способствует инициации и развитию переговоров с местными жителями и органами власти, а также установлению со-

трудничества с полицией. Продолжительность таких оккупаций стала возможной благодаря тому, что их лидеры ежедневно доказывали, что они в состоянии взять на себя вопросы безопасности и гигиены, которые при обычных обстоятельствах, возлагались на специализированные службы. Поскольку на местах царил порядок, у полиции не было никаких поводов для немедленного применения репрессивных действий.

Таким образом, уличные собрания и оккупации, будучи парадоксальным образом незаконными актами, как бунты, но при этом, как демонстрация, способом ненасильственного протеста, считаются легитимными формами политического действия. Легитимность может удерживаться примерно до одного месяца, однако она не является условием эффективности. Каковым может оказаться эффект политического действия, демонстрирующего желание сохранить ненасильственную природу?

Уличные собрания и оккупации — не хеппенинг и не музыкальный фестиваль, а движения протеста. Это означает, что те, кто в них вовлечен, совершают данное действие, по крайней мере, частично, ради требования, которое, по их ожиданиям, должно быть удовлетворено. Надежда, придающая действию политическую природу, создает ожидания и побуждает участников к оценке полезности их участия, тем более что оно может становиться все более труднопереносимым, опасным и утомительным. Одним из критериев, используемых для такого рода суждений, является успех или факт удачного завершения борьбы. Его как раз трудно определить. Как только проходит время после установления локального порядка и условий его повседневного воспроизводства, проходит возбуждение от первых заседаний и распределения задач между различными комитетами; как только разделены обязанности и провозглашены правила коллективного поведения, создана инфраструктура коммуникации; как только воодушевляющие дебаты становятся повторяющимися или утомительными, наступает момент, когда необходимо прийти к заключению, для чего нужна данная мобилизация. Если преобладает ощущение, что ничего не изменилось (как обычно и происходит) и ничего настоящему не изменится, перед участниками остро встает вопрос: должны ли мы отступить (признав при этом, что существование движения самого по себе и было целью акции), или решиться на операции с иной степенью агрессивности? Именно такое ощущение бессилия наблюдалось как на Пуэрта-дель-Соль и в Зукотти-парке, так и на Тахире и Майдане. Однако ответы на вопрос «зачем удерживать место?» в этих местах различались.

При демократии, как в Мадриде и в Нью-Йорке, идея отказа от ненасилия поднималась и обсуждалась на протяжении примерно трех недель оккупации общественного пространства. Противоположные аргументы, приводимые в дискуссиях, обнаружили черты классического расхождения. По мнению одних, чтобы действительно заставить правительство услышать их, следует отныне прибегать к действиям, непосредственно и физически угрожающим власти (как некоторые сделали в США, предприняв действия, которые были жестоко подавлены полици-

ей). По мнению других, ненасилие является единственной гарантией укрепления и развития движения, чьей целью никогда не было установить силовые отношения с государственными властями, но заставить услышать игнорируемый голос граждан и работать в направлении радикальных изменений положения государственных дел. Если предложение о переходе к насилию не было утверждено комитетами, то в Мадриде решение свернуть лагерь было принято немного позже (под конец четырехнедельной оккупации), а в Нью-Йорке решение ликвидировать Парк было провозглашено судом и осуществлено полицией без сопротивления (после двух месяцев оккупации). В Лондоне оккупация продлилась около пяти месяцев на площадке, любезно предоставленной англиканской церковью. Она была добровольно снесена из-за усталости, как это произошло в Женеве, Амстердаме и Франкфурте.

В авторитарных условиях, например, в Каире или Киеве, проблема ненасилия получила другое развитие. Без сомнения, содержание требования, побудившего социальное движение, приобрело там более жизненное и целенаправленное значение: падение режима коррупции и террора. В этих случаях у оккупации иное предназначение: мирная, но непримиримая конфронтация с непризнаваемыми лидерами. Пока власть не уступает, альтернатива ясна: рассеивание вооруженными силами (как в случае репрессий лагеря на площади Тяньаньмэнь в Пекине) или отставка или изгнание правителей (Бен Али в Тунисе, Мубарака и Мурси в Египте, Януковича в Украине). Здесь вопрос ненасилия ставится иначе. Большинство протестующих отказывается уступить, прежде чем будут удовлетворены их требования. Применение насилия оказывается необходимым средством, которым пользуются в крайнем случае — для осуществления коллективного решения, основанного на максиме: победить или умереть.

Развитие данных событий иллюстрирует следующий феномен. Логика перехода от ненасилия к насилию включается в тот момент, как только те, кто ведет политическую борьбу, видят, что их мишень ускользает или не отвечает на вызов. Известно, что идея отказа от политического действия при отсутствии реакции и результатов обычно дорого стоит в том смысле, что она обесценивает усилия, сделанные для достижения справедливого, по их мнению, требования, и создает ощущение провала, снижающее возможность возобновления мобилизации. Однако здравый политический смысл говорит: нужно уметь прекратить забастовку, а также собрание и оккупацию. Эти формы политического действия не совершаются для того, чтобы длиться вечно. Тем не менее нередко, когда они прекращаются, остается некая группа, для которой такое отречение звучит как предательство, и она призывает продолжать борьбу. Затем может случиться так, что некоторые решатся на серьезные вещи, приступая к актам насилия и даже прибегая к терроризму. Тот факт, что подобный выбор присущ лишь незначительному меньшинству, свидетельствует об определенном предпочтении ненасилия, или, проще говоря, о страхе перед неопределенностью, рисками или перед хаосом, которые вызывает насилие. Этот выбор меньшинства может также свидетельствовать об уверенно-

сти в том, что данный тип действия не сможет побороть непреклонность властей. Таким образом, во время дискуссий в рамках собраний и оккупаций приходится рассматривать и решать на практике вопрос об отношении между насилием и политикой.

О насилии в политике

Концепция отношения между насилием и политикой закреплена в определении Вебером государства как «держателя монополии на легитимное насилие» (Weber, 1971). Такое определение проводит границу: государство ставит задачу обеспечения гражданского мира, и те меры, которые оно должно предпринимать с этой целью, при условии, что они остаются эпизодическими и легитимность действующей власти не подрывается репрессиями, являются относительно бесспорными. Мы знаем, что, согласно Веберу, легитимность может иметь три принципа: традиция, харизма и административно-бюрократическая рациональность, которые являются режимами легитимности, преобладающими в современных демократиях, где власть исходит от народа через представительство, которое он выбирает. Кто-то, однако, считает, что это представительство является фальшивым, поскольку государственные институты (школы, судебные системы, полиция, органы социальной работы и т. д.) заняты воспроизводством условий господства держателей власти, делая все для контроля сил, которые могли бы его оспорить или поставить под угрозу (Bourdieu, Passeron, 1970; Foucault, 1975; Castel, 1981). При таком устройстве действия, предпринимаемые теми, кто выступает против насилия существующего порядка, попадают под официальную категорию «насилие», в то время как меры пресечения этих действий (полиция, секретные службы или тайные агенты, преследующие и заставляющие замолчать наиболее агрессивных и опасных протестующих) называются операциями по восстановлению общественной безопасности. Но не сводится ли данное различие между легитимным и нелегитимным применением насилия лишь к вопросу о монополии на его применение, служащей идеологии, которая способствует возобновлению гегемонии власти? Не будет ли это различие также связано с усмирением политических отношений, характерных для демократических режимов?

Как правило, мы оцениваем жизнеспособность демократии с помощью ряда показателей: свободные и честные выборы; реальное разделение властей; организация гражданского общества; свобода слова, собраний и протеста; беспристрастность правосудия; гарантия права на защиту; уважение прав человека и права собственности; устранение тяжких правонарушений; участие простых граждан в процессе законодательных решений¹. Если и не существует настолько совершенный демократический режим, который бы полностью соответствовал всем этим

1. Анализ, проведенный А. Токвилем.

показателям, то можно сказать, что государство, претендующее на установление такого режима, следует тенденции выполнения данных требований.

Тем не менее два других показателя позволяют оценить интенсивность демократической жизни, а именно — возможность переговоров и права при разрешении конфликтов, а также уровень мирного урегулирования политических отношений. На самом деле в процессе демократизации заложена привычка консенсуса, помогающая уменьшить антагонизм и в конечном итоге приводящая к согласию граждан на исключение физического насилия по отношению к допустимым формам выражения протеста. Парадоксально, но согласие медленно зарождает незаинтересованность и равнодушие к политическим вопросам таким образом, что уравнивание условий приводит к уменьшению причин фундаментального несогласия². Это в какой-то степени объясняет совпадение программ партий и, как следствие, увеличение процента неучастия в выборах. Так или иначе, чем дольше длится процесс, не подвергаясь угрозе (тяжелого кризиса, угрожающего бунта, государственного переворота или войны), тем в большей степени устанавливается легитимность все того же способа исполнения власти, принимаемая всеми партиями, поочередно получающими ответственность (лишь с небольшими изменениями) за управление государственными делами. Во время этого медленного процесса ослабления политических страстей граждане приходят к логическому выводу, что цели выборов на самом деле больше не являются определяющими, а принцип смены морально устарел. В связи со смягчением агрессивности конкуренции, присутствующей в представительной системе, возможность радикальным образом пересмотреть установленные правила политической жизни кажется полностью исчерпанной. Но где найти ресурсы для противостояния насилию государства, продолжающему порой без осторожности его применять по отношению к тем, чьи жалобы оно отказывается слушать или считает иррациональными?

Фактически в демократии исключение насилия из политических отношений всегда условно. Ничто никогда не мешает гражданам к нему прибегнуть, чтобы продемонстрировать свое осуждение текущего порядка вещей. Это может быть лишь всплеск разочарования или гнева (вандализм, грабеж или массовые беспорядки), мотивированный невозможными условиями существования и выражающий таким способом желание перемен. Последствия таких всплесков различаются в зависимости от уровня политического развития каждой страны: реакции на голодные забастовки или вспышки гнева в бедных странах отличаются от реакций на массовые беспорядки в иммигрантских «гетто» развитых стран. Однако порой политические группировки создаются вокруг проекта, предполагающего применение насилия как исключительного способа потребовать свержения действующей власти и уничтожения ее режима господства (вооруженный бунт, терроризм, гетерия или революция) (Hobsbawm, 1972).

2. Данный список предоставлен организациями, количественно измеряющими уровень демократии в странах мира, например, le Democracy Index, Economist Intelligence Unit, Londres, 2011 (www.eiu.com).

Как правило, именно упорное нежелание властей принимать во внимание легитимные требования (с точки зрения достоинства, справедливости, равенства, благопристойной жизни и т. д.) оправдывает необходимость непосредственного применения насилия. Но хотя вооруженная борьба и кажется легитимной, поскольку речь идет о свержении авторитарного режима или власти, сознательно высмеивающей основные свободы, она не может иметь место в правовом государстве. В этом контексте правит принцип: сила должна находиться в рамках закона, где она является выражением народовластия, и, как правило, ничего не запрещает ее преобразованию в случае смены. В этом смысле насилие противоречит демократии. Тем не менее в случае собраний и оккупаций постановка проблемы о переходе к насилию требует более тщательного рассмотрения, а также ответа на вопрос, при каких условиях и обстоятельствах выражение политического требования предполагает применение насилия.

Спектр применения насилия

Не исключая полностью применение насилия в политической жизни, правовое государство отводит ему остаточную роль в затрагивающих его переменах. В любом случае можно вынести урок. С одной стороны, мы регулярно наблюдаем проявления насилия, грабежи, метание камней или разрушения, демонстрирующие требования определенных групп (крестьянские фронды и восстания, оккупации заводов, разрушение полей генетически модифицированных продуктов, демонстрация заведений фастфуда и т. д.), при демократическом режиме. С другой стороны, в публичном пространстве известны примеры более мирного проявления насилия, как в случае, когда политическая организация занимается «построением соотношения сил». Роднит такие действия с насилием тот факт, что они, в сущности, устанавливают абсолютный антагонизм между конфликтующими, подвергают сомнению саму возможность консенсуса и подавляют желание его достичь. Этот мирный способ жесткого противостояния может принять такие экстремальные формы, как всеобщая забастовка или голодовка.

Данные формы применения насилия, ставшие ритуалом, относительно неплохо интегрированы в текущий демократический порядок. Их функция известна: постоянно угрожать на переговорах, указывая на возможность взрыва или неправомерного действия, которое возможно только в исключительном случае. Иллюстрацией такого политического действия служит мобилизация с целью получения вида на жительство для рабочих, ставших нелегалами вследствие ужесточения закона или усердия начальника службы. Для тех, кто присоединяется к этому движению, их требование является справедливым и легитимным, что подтверждает факт поддержки, оказываемый со стороны профсоюзов, ассоциаций и комитетов. Представим, что начинаются переговоры с органами государственной власти и последние оказываются непреклонными. Борьба обостряется: рабочие оккупируют места и решаются на голодовку до тех пор, пока их требование не будет удов-

летворено. Представим также реакцию властей: они заставляют эвакуироваться из помещений и насильно кормят тех, кто отказывается принимать пищу. Нужно ли в таком случае правительству отступить (в зависимости от обстоятельств, тайным способом согласиться на предоставление вида на жительство, чтобы не потерять свое лицо), или предусмотреть переход к насилию (которое участники протеста порой оборачивают против самих себя, альтруистически или в отчаянии совершая самоубийство или подвергая себя самоожжению)?

Другой пример постановки вопроса о правомерности применения насилия, рождающегося по ходу политической борьбы, представлен издателем Жеромом Линдоном, выступившим за прекращение применения пыток во время войны в Алжире. Сначала он совершает акт гражданского неповиновения, намеренно публикуя две работы, описывающие бесчинства, совершенные во Франции и в Алжире: «В защиту Джамили Бухиред» Жоржа Арно и Жака Вержеса, и «Допрос» Анри Аллега, которая была изъята 27 марта 1958 года³. Затем обостряет ситуацию, публикуя произведение Пьера Видаля-Наке «Дело Одена», восхваляющее неподчинение и отказ повиноваться очевидно незаконным порядкам и подпадающее под действие закона. 18 июня 1959 года Линдон публикует труд «Гангрена», где приводятся пять свидетельств алжирских студентов, замученных французскими внутренними секретными службами DST. Данная работа была немедленно изъята (ее переиздание в июле 1959 года не состоялось). Публикуя труды столь претенциозного и подрывного характера, Линдон демонстративно стремился предстать перед судом с одной целью — поставить вопрос о пытках в общественных дискуссиях. Но если на книги, которые он издавал, регулярно налагался арест, для того чтобы разорить его издательство, то против него самого процесс был возбужден лишь однажды, в декабре 1961 года, за «подстрекательство военных к неподчинению», как следствие публикации романа «Дезертир», написанного офицером — участником войны и защищающего дезертирство. Суд объявил запрет книги, и Линдону был назначен штраф, оплаченный затем группой издателей, поддерживающих «Editions de Minuit» (*Provocation à la désobéissance*, 2011). Но позже, представ перед судом в качестве свидетеля в деле группы военных, пришедших на помощь Фронту национального освобождения (группе Жансона), Линдон сделал заявление в защиту «носильщиков чемоданов», которые, будучи в алжирском сопротивлении, выбрали действия, считавшиеся в те времена изменой⁴:

«В течение последних трех лет реакции, спровоцированные этими трудами, были практически ничтожны. Ни меня, ни авторов текстов никогда не при-

3. Французские службы изъяли 7000 копий книги-расследования «Допрос» в издательском доме «Minuit» 27 марта 1958 г. — *Прим. перев.*

4. Группа Жансона (Jeanson) состояла из французских активистов, действующих под руководством Франсиса Жансона. Группа поддерживала Фронт национального освобождения во время войны в Алжире. Задача заключалась главным образом в транспортировке капитала и фальшивых документов агентам Фронта. В связи с такой функцией членов группы Жансона прозвали «носильщиками чемоданов». — *Прим. перев.*

влекали к ответственности за клевету. Важнее то, что ни один из фактов, изобличенных в данных трудах, не послужил для авторов поводом для беспокойства. <...> Когда я вижу неэффективность борьбы, предпринимаемой мной и другими людьми вместе со мной с очевидно легитимной целью, какой является борьба против пыток, когда я вижу, что эта борьба совершенно неэффективна, я должен признаться, что это может быть, потому что она остается в строгих рамках законности» (Simonin, 2012).

Тем не менее прямое использование насилия как способа политического действия не является общим подходом. На протяжении долгого времени оно было уделом националистов, сражавшихся за независимость и освобождение своей страны, или революционеров, стремящихся разрушить капиталистическую систему эксплуатации. Совсем недавно насилие применялось ультраправыми активистами, посвятившими себя защите западной цивилизации против «исламского вторжения» (норвежский убийца Андерс Брейвик стал для них иконой). Насилие применялось также активистами-анархистами, антиглобалистами и экологами, борющимися против осуществляемой на их глазах бессовестной и преступной эксплуатации человеческих и природных ресурсов исключительно ради краткосрочной выгоды. Случай экологов отличается от остальных: тогда как революционеры определяют врага, битва за окружающую среду — это реакция на совокупность посягательств на планету и биосферу, независимо от того, кто совершил эти посягательства (предприятия или индивиды) и где. В силу этого неистовая борьба против деятельности по разрушению окружающей среды, осуществляемой предприятиями на национальном уровне, не принесет никакого результата. Все государства мира должны были бы подчиниться дисциплине, принимая жесткие меры профилактики и безопасности. Эту задачу не так легко осуществить, даже если все международные организации приложат усилия для ее реализации. Вопреки ограничениям, активисты, защищающие жизнь на планете, применяют насильственные действия в ответ на махинации, которые в их странах приносят вред воздуху, воде, климату, растениям и животным, сознательно игнорируя ущерб, который они сами причиняют. Речь идет, в частности, об американских радикальных экологах, решающихся на терроризм во имя спасения природы и человечества от роковой судьбы⁵.

В общем и целом, от непосредственного до мирного применения, будучи стихийным или легитимным, преследуя цель установления социального порядка, насилие не перестает фигурировать на заднем плане (опасном или интегрированном) политического действия. Именно поэтому можно утверждать, что вера в эффективность ненасилия не только необоснованна, но и усиливает различие между легитимным и нелегитимным насилием, навязывающим установленный порядок господства.

5. Это движение защищал Ф. Лопез.

Данная критика отсылает к общим вопросам. Не служит ли сама политическая деятельность установлению иерархии и неравенства условий граждан, сохраняя образ жизни, чей несправедливый и невыносимый характер доказан? Или ее суть состоит в том, чтобы покончить с этим положением вещей путем установления подлинного равенства, прекращения господства и эксплуатации человечества и природы? Две опции, противоречащие друг другу по этому вопросу, подпитывают дебаты в собраниях и оккупациях. С одной стороны, реалисты допускают, что стоит принимать вещи такими, какие они есть, и организовать их наилучшим образом. С другой стороны, те, кто утверждает, что происходящее в реальности — это обман, маскирующий интересы некоторых, и что нужно разоблачить этот обман и отчуждение, именно они, вероятно, предполагают прибегнуть к насилию. Такое разделение проводит также отличие между двумя способами ведения борьбы за перемены: действовать либо в рамках политического порядка, то есть на многочисленных общественных аренах, где ведется работа по формированию общественных интересов и определению границ общего блага; либо в мире политики, а значит, добиваться падения режима или смещения господства во имя свободы и автономии индивидов. Именно с точки зрения политики выбор в пользу ненасилия может казаться нереалистичным или наивным. Верно, что этот выбор можно критиковать за непреодолимый разрыв между преследуемой целью (изменить последствия социальной стратификации и неравного распределения преимуществ, которое она влечет за собой) и способом ее достижения (формой ненасильственного действия). Можно ли искренне верить, что те, кто извлекает выгоду из господства или системы эксплуатации, откажутся от части своих привилегий без применения насилия? Однако данное суждение является предвзятым: оно не учитывает тот факт, что выбор в пользу ненасилия может быть стратегическим. Как в таком случае лица, предпочитающие этот способ действия, представляют себе его эффективность?

Политическая рациональность ненасилия

Аргументация, используемая политическими организациями, призывающими к прямому применению насилия, следует рассуждению, связывающему ряд положений. Во-первых, интересы социальных групп, объединённых внутри одной политической сущности (классов, этнических групп или групп, сплочённых проблемами существования), абсолютно непримиримы. Во-вторых, из этого положения вытекает, что власть навязывает господство, не распределяя систему, которая служит частным интересам, противоречащим интересам человечества и планеты. В-третьих, поддержание установленного порядка стремится лишь к воспроизводству условий несправедливости, недостойного поведения и непристойности этих интересов. В итоге, поскольку данная аргументация не учитывает глубоко агонистическую природу общества, ненасилие стремится укрепить «консенсус», кото-

рый, будучи основанным на насилии, осуществляемом институтами воспроизводства господства, оказывается выгодным для держателей власти.

В рамках данных рассуждений восстановление мира в политических отношениях представляется иллюзией или идеологической ловушкой. Эта ловушка, как показывает А. Бросса, выражается в моральных терминах:

«Миротворческое движение в социальной и политической жизни ставит перед собой задачу жесткого форматирования коллективного восприятия „насилия“ и радикального преобразования кода, определяющего различие между насилием и ненасилием. <...> При этих условиях „насилие“ имеет тенденцию становиться уделом другого — бедняка, иммигранта, мирового плебса, исламиста, разбойнического государства. Оно всегда стремится стать объектом ненависти и заклинаний, скорее моральной проблемой, чем проблемой социальной или политической. Пренебрежительное упоминание о нем служит для правительства скорее способом держать население в страхе и обеспечивать безопасность, чем устанавливать мир» (Nez, 2012).

Прежде чем согласиться с этой идеей, можно задаться вопросом, почему насилие никогда не могло быть коллективно принято в качестве основы приемлемой и жизнеспособной формы урегулирования межличностных конфликтов. Чтобы вообразить такую возможность, достаточно представить ситуацию, возникающую, когда правит закон сильнейшего, как в случае насаждения страха и несправедливости деспотичной властью или мафией; когда повсеместная коррупция управляет торговыми отношениями; или когда банды и главарь устанавливают порядок «уличной культуры» под управлением мачо в иммигрантских «гетто». Исходя из эмоциональных соображений или из принципа, можно признать, что в развитых демократиях насилие в любом случае является предметом отвращения и неприятия со стороны как политических деятелей, так и граждан. Наиболее удачная иллюстрация этого явления привела бы к дискредитации, которая ретроспективно наносит удар по таким движениям, как «Прямое действие», «Банда Баадер», «Красные бригады» или ETA, или, говоря о современности, террористическим актам⁶. Заявление о неприятии насилия делают также наиболее радикальные активисты, когда признают, что они в меньшинстве (люди предпочитают порядок хаосу), или же призывают к целенаправленному насилию (когда атаки совершаются на материальные или символические блага во избежание жертв), чтобы не вызвать отторжение тех, кого они обещают защищать.

Уличные собрания и оккупации городского пространства делают выбор от обратного, в пользу неукоснительного соблюдения ненасилия. Этот выбор продик-

6. «Прямое действие» (Action directe) — французская анархо-коммунистическая антифранкистская группа; «Банда Баадер» (Bande à Baader) — немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине; «Красные бригады» (итал. Brigate Rosse, часто использовалась аббревиатура BR) — подпольная леворадикальная организация, действовавшая в Италии; ETA (Euskadi Ta Askatasuna) — вооруженная националистическая и сепаратистская организация басков. — *Прим. перев.*

тован не слабостью, не слепотой, не идеологическим конформизмом, но политической стратегией, основанной на рациональности. Сила данных типов действий, как и всех внеинституциональных политических движений протеста, проявляется главным образом в легитимности, которую им удается приобрести путем выражения справедливого требования и привлечения числа сторонников. Условие их успеха заключается в очень важном аспекте — единодушии требования, а именно в том факте, что требование справедливо для всех без исключения. Лучшие примеры подобного единодушия представлены в двух лозунгах, которые с разными целями были провозглашены во всех концах планеты с 2011 года: «Нас — 99 процентов» или «Народ желает». Сразу заметна неопределенность этих призывов. Но её достоинство заключается в исключении из участия как можно меньшего количества людей, что позволяет реализовать императив данной формы политического действия: создать многочисленность. Таким образом, поддержание единодушия требования является первым инструментом сохранения власти. Второй стратегический довод в пользу ненасилия связан с беспокойством относительно дисквалификации требования путем пропаганды, что действующие власти не преминут осуществить с помощью средств массовой информации, указывая на ужасающий и варварский недостаток моральных норм или гигиены. Третий довод — не допустить правомерных полицейских репрессий, которые могут мгновенно последовать за провокациями и применением насилия. Другое соображение, поддерживающее выбор ненасилия, основано на реалистичной оценке соотношения сил и на неправдоподобии мгновенных и резких изменений ситуации, справедливость которой как раз подлежит оспариванию (Roberts, Ash, 2009; Sémelin, 2011). Одно из его следствий — продемонстрировать насилие власти, противопоставив ему мирный протест, решительно отстаивающий права и выступающий против несправедливости, не реагирующий на насилие и подставляющий репрессиям свое безоружное тело. Последний довод в пользу стратегического выбора ненасилия заключается в том, что мирный протест является примером, позволяющим работать над изменением умонастроений в долгосрочной перспективе и способствующим приходу больших политических изменений.

Таковы доводы, благодаря которым мы можем убедиться в действительно политическом выборе ненасилия. Но данный выбор может быть также обоснован столь же конкретными результатами, что и результаты насильственных действий. Примеров множество: Ганди, Лютер Кинг, Валеса, Гавел, Сахаров, Мандела, Аун Сан Су Чжи. В меньшей степени, но то же самое можно сказать о требовании истинной демократии, выраженном посредством собраний и оккупаций. Оно с самого начала присутствовало в публичных дебатах и «повестке дня» официальной политической деятельности, в вопросах, которые там не фигурировали. Затем данное требование ускорило процессы трансформации внутренней жизни партий и профсоюзов, например, введение праймериз в партиях, омоложение их кадров, введение нового порядка вступления в профсоюзы; а также воздало должное неслышанным элементам протеста (Vakaloulis, 2013). Оно равным образом

подчеркнуло необходимость реформирования способов ведения политики, избличая непрозрачность принятия решений, коррупцию среди элит, сговор между профессиональными политиками и журналистами и напоминая об изначальном благородстве призвания политики — служить исключительно общему благу. Оно в конечном итоге привело к реконфигурации политического «предложения». Таким образом, появились на свет или были сформированы Форумы (собирающие воедино силы социального протеста, какими являются, в частности, профсоюзы и ассоциации в Испании), «движения» («Движение пяти звезд, M5S» в Италии), партии (Партия X в Испании, M5S в Италии, Пиратские партии в Швеции, Германии или Франции). В других местах представители протестующих решились на присоединение к традиционным партиям (как это произошло в Израиле). Решение некоторых принять активное участие в процессе голосования зачастую приводило к изменениям в привычном политическом равновесии, вызывая недоумение экспертов, журналистов и аналитиков (выборы Барака Обамы, успех новой партии «Еш атид» — «Есть будущее» в Израиле, партии M5S в Италии, победа оппозиции в Квебеке вследствие «кленовой весны»).

Вся динамика событий показывает, что чем более развита демократия, тем большая преемственность устанавливается между способами выражения несогласия среди граждан. Допущение такой преемственности обязывает признать, что участие в политической жизни при демократии конструируется подобно своего рода бриколажу, позволяющему каждому без исключения, в зависимости от обстоятельств и в меру его понимания, присоединиться к процедуре выборов (путем голосования или неучастия), социальным переговорам (трудового права), политической оппозиции (партиям, профсоюзам, ассоциациям), орудию закона (судам общей и специальной юрисдикции, европейским инстанциям), принять участие в демонстрации и забастовке, в публичном и художественном выражении, в ненасильственных действиях (акциях гражданского неповиновения, уличных собраниях и оккупациях) или в определенных мирных проявлениях насилия. Это означает, что власть, которая хочет развивать демократию, должна полностью принять различные формы политического действия, используемые людьми для защиты своих требований. Данное положение действует при условии, что требование формулируется и выражается способом, считающимся легитимным, членами гражданского общества, которого оно касается, а не органами власти или религиозными институтами, которые его разрешают или терпят (Pettit, 2004).

Литература

- Bourdieu P., Passeron J.-C.* (1970). *La reproduction: éléments pour une théorie du système d'enseignement*. Paris: Minuit.
- Castel R.* (1981). *La gestion des risques*, Paris: Minuit.
- Hobsbawm E.* (1972). *Les bandits*. Paris: Maspéro.
- Foucault M.* (1975). *Surveiller et punir*. Paris: Gallimard.

- Laacher S., Terzi C.* (2012). Comment faire peuple? Le cas des protestations publiques au Maghreb // L'Année du Maghreb. N° VIII. P. 87–102.
- Nez H.* (2012). Délibérer au sein d'un mouvement social: ethnographie des assemblées d'Indignés à Madrid // Participations, Vol. 4. N° 3. P. 79–102.
- Pettit P.* (2004). Républicanisme: une théorie de la liberté et du gouvernement. Paris, Gallimard.
- Provocation à la désobéissance. Le Procès du «Déserteur». (2011). Paris: Minuit.
- Roberts A., Ach T. G.* (Eds.). (2009.) Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present. Oxford: Oxford University Press.
- Sémelin J.* (2011). Résistance civile et totalitarisme. Bruxelles: André Versaille éditeur.
- Simonin A.* (2012). Le droit de désobéissance. Paris: Minuit.
- Vakaloulis M.* (2013). Précarisés, pas démotivés: les jeunes, le travail et l'engagement. Paris: La Dispute.
- Weber M.* (1971). Economie et société. Paris: Plon.